

- 20 Там же, стр. 36-37.
- 21 Milan Kundera. The Book of Laughter and Forgetting (New York: Knopf, 1981), p. 3.
- 22 The Book of Laughter, p. 159.
- 23 Marcin Krol, "A Frozen Image of the Past", Survey, vol. 25, No. 1 (Winter, 1980), p. 104.
- 24 Bohdan Cywinski, "The Poisoned Humanities", Survey, vol. 25, No. 1 (Winter, 1980), p. 97.
- 25 "Recenzja z Moskwy o polskich podrecznikach historii", Zeszyty historyczne, No. 57 (Paris, 1981), pp. 73-91.
- 26 Jan Nowicki, "Internacionalizm puka do szkol", Glos, No. 5, reprinted in Glos, Niezalezny miesiecznik spoleczno-polityczny (Paris: Instytut Literacki, 1981), pp. 154-157.
- 27 Kenneth C. Farmer, Ukrainian Nationalism in the Post-Stalin Era: Myth, Symbols and Ideology in Soviet Nationalities Policy (The Hague, Boston, London: Martinus Nijhoff, 1980), p. 30.
- 28 Allan Janik and Stephen Toulmin, Wittgenstein's Vienna (New York: Simon and Schuster, 1973), p. 271.
- 29 Wittgenstein's Vienna, pp. 271-272.
- 30 Правительства многонациональных государств понимают, что соблюдение права наций на самоопределение угрожает целостности этих государств. В 1969 г., вскоре после советской оккупации Чехословакии, чешский историк Милан Шванкмайер опубликовал статью о Николае I и его борьбе против революционных движений в Европе в 1848-1849 гг. Шванкмайер показывает, насколько хорошо понимали русские цари, что "над Россией висит угроза распада и что воспрепятствовать этому может лишь сильная центральная власть. Гражданские свободы ставят под угрозу не только частные интересы империй, но и само их существование". (Milan Svankmaier, "Četník Evropy", Dějiny a Současnost, 4, Str., 10-11).

КОММУНИЗМ И ЮРИДИЧЕСКИЙ НЕОПОЗИТИВИЗМ *

1. Эволюция коммунистического права

В истории теории и практики коммунистической юриспруденции следует различать несколько этапов.

Первый период начался сразу вслед за советской революцией в октябре 1917 года. Новое революционное правительство провозгласило ликвидацию всей правовой системы, всех законов, которые были введены и обнародованы прежде. Революционные власти и граждане нового государства должны были действовать согласно новым правовым нормам и собственному пониманию революционной законности. Этот период был сравнительно краток. В начале 1920-х годов были разработаны новые кодексы законов и роль "революционного сознания" как критерия законности и справедливости стала исчезать.

Разумеется, и после этого за органами безопасности сохранялась неограниченная власть и они по-прежнему не признавали пределов в борьбе со всем тем, что объявляли контрреволюцией. Они не только боролись с врагами, которых сами же и определя-

* Глава из книги Mieczyslaw Maneli, Juridical Positivism and Human Rights, Hippocrene Books, New York, 1981.

Теория "юридического позитивизма" развилась из критики концепции "естественного права", которая была характерна для XVII-XVIII веков. Она утверждала, что каждый человек, каждый гражданин рождается свободным и "от природы" (некоторые говорили — от Бога) обладает определенными неотчуждаемыми правами, которые никто, включая и существующую государственную власть, не может нарушать. Эта теория обосновывала справедливость свержения монархий, которые обвинялись в неуважении к "естественным правам" подданных. Однако, — считает профессор Манели, — к нашему времени те права, которые прежде объявлялись "естественными", успели войти в законы, записаны в конституциях, утверждены в международных декларациях и договорах. (Прим. переводчика.)

ли в качестве таковых, но и развязали "красный террор", оправдывая его "белым террором". В те времена было опубликовано много законов, которые формулировались столь неопределенно, что под них можно было подвести все что угодно. Например, законодательным порядком была введена система инспекторов, которым во время голода поручалось обыскивать частные дома и квартиры, а тех граждан, которых они находили виновными в сокрытии запасов продовольствия или спекуляции, полагалось "судить" и расстреливать на месте. Подобные законы можно рассматривать как образцы "легализованного беззакония".

Второй период начался со второй половины 20-х годов и закончился в 1953 году, после смерти Сталина. Это был период, на протяжении которого закрепились кодексы и законы нового государства, а "революционное сознание" было подчинено официальным ограничениям. Но это был также и период сталинизации, роста бюрократии и всепобеждающей террористической полиции. Основные черты "социалистической законности" разрабатывались в это время Вышинским, который оказался вождем советского "юридического фронта".

В 1944-1948 годах в Восточной Европе были основаны новые социалистические государства. Их правительствам на протяжении первых четырех или пяти лет было позволено сохранять отдельные элементы довоенного законодательства. Новые режимы добавляли новые законы к старым и претендовали при этом на то, что эти добавления не нарушают целостную систему. В 1949-1950 годах ситуация решительно изменилась, поскольку навязанный советским правительством процесс сталинизаций распространился и на эти страны. Советская юриспруденция, ее концепция права была усвоена в неизменном виде. Все остаточные различия стали несущественны. После 1950 года правовой порядок этих стран ничем не отличался от советского образца.

Процесс десталинизации, долгий и постепенный, начался после смерти Сталина. Нашел он свое отражение и в области права. В юриспруденции и юридической администрации Советского Союза и других социалистических стран появились новые элементы. Наша задача — рассмотреть наиболее существенные из них.

Теория права, разработанная на протяжении сталинского периода, опиралась на тезис "Коммунистического манифеста":

"Право есть воля господствующего класса". Эта короткая фраза была возвышена Вышинским до роли источника его "научной" юриспруденции.

В то же время Вышинский элиминировал многие другие идеи Маркса, которые гораздо более существенны для философии права. С самого начала официальная советская юридическая теория оказалась односторонней, поскольку полностью пренебрегала западной точкой зрения, включая сюда и марксистскую.

Самые страшные аспекты этой теории наилучшим образом иллюстрируются личной карьерой самого Вышинского. Во второй половине 30-х годов он выступил генеральным обвинителем на знаменитых показательных процессах "оппозиции". Он преследовал самых выдающихся советских юристов, которых обвинял в извращении "марксистско-ленинской теории". Жертв его риторики (Пашуканиса, Стучку, Рейснера сначала смещали с занимаемых постов, а затем, после гражданской смерти, как правило, казнили). Впоследствии они были посмертно реабилитированы.

Теория права Вышинского может быть сведена к двум положениям: поскольку любая система права является выражением воли господствующего класса, она призвана служить интересам и целям этого класса; она является орудием классовой борьбы, а потому не может быть легальна, ограничена, которые защищали бы любого индивидуума или все человечество. Согласно Вышинскому, классовая борьба диктует, что именно законно; закон служит целям господствующего класса и создается во имя его интересов.

В свете теории Вышинского, даже понятие "буржуазного правопорядка", которому придавали большое значение Маркс, Энгельс и даже Ленин, утрачивает всякий смысл. Исчезает также и гегельянско-марксистская диалектика. Эта диалектика подразумевала, что общественные и политические институты, а также и соответствующие им юридические нормы, могут быть одновременно как полезны, так и вредны для антагонистических и классовых сил. В системах права любой социальной формации содержатся нормы, которые могут быть как прогрессивными, так и регрессивными. Так что подлинный ученый должен их анализировать с точки зрения движения, развития и возможного последующего отрицания (в смысле "снятия"). Все эти тонкие

различия были намеренно обойдены официальной советской теорией права, поскольку они бросали "критический свет диалектики" не только на западные правовые системы, но также и на советскую.

Гегельянско-марксистский подход был характерен также и для Ленина; поэтому Сталин и Вышинский должны были подвергнуть цензуре также и его. В своем меморандуме советским законодателям Ленин рекомендовал внимательно рассмотреть все западные своды законов, чтобы отыскать в них законодательные положения, которые могут быть благоприятны для народа, которые защищают интересы трудящихся и поэтому должны быть перенесены в новые советские законы. Эти рекомендации никогда не цитировались в сталинские времена, как, впрочем, и в после-сталинские, когда много говорилось о "возврате к ленинизму". Ни один коммунистический юрист ни разу не сказал ни об одном западном законе, что он благоприятен трудящимся, а поэтому достоин быть усвоен коммунистическими властями.

То, что было оставлено Вышинским в определениях социалистической законности ("строгое", "неуклонное" ее соблюдение), было менее важно, чем то, о чем умалчивалось. А было опущено следующее:

Во всех коммунистических странах официальная теория права отождествляет волю господствующего ("рабочего") класса с его интересами (в чем бы эти интересы ни состояли). Эта детская теория все еще не оставлена советской официальной юриспруденцией даже и после попыток десталинизации. Правящая группа может и превратно понимать свои собственные интересы и, таким образом, как тому свидетельством тысячи примеров, может вводить законы, которые вредны даже для нее самой. Такие ошибки возможны при любой социальной системе — от античного рабовладения до современных западных и восточных обществ. Ни Сталин, ни Вышинский не желали допустить, что "правящая группа" или "класс" могут неправильно истолковать свой собственный интерес, ибо они старались обойти сразу две проблемы: может ли социалистическое правительство провести закон, который наносил бы ущерб народу? может ли буржуазное государство создать закон, благоприятный для народа?

Чтобы обойти все эти философские, идеологические и политические сложности, они предпочитали опираться на простейшие, "самоочевидные" идеи: буржуазное право служит интересам одной буржуазии; пролетарское право всегда и только служит интересам народа.

Другой причиной их упорства было желание Сталина и Вышинского избежать какого бы то ни было обсуждения теоретической возможности "нелегальных законов" или вообще всякой сложности в отношениях между существующими законами и требованиями справедливости. Проблема узаконенного беззакония анализировалась самим Марксом в его знаменитых ранних очерках о прусской цензуре, в "Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта", во всех трех томах "Капитала", — если называть лишь самые существенные его высказывания на эту тему. Именно Маркс, например, настаивал, что цензура, подобно рабству, не может стать легальной, даже если она будет проведена в законах хоть сотни раз. Одним из самых неоспоримых философских замечаний Маркса на этот счет было признание, что всегда существовали объективные и субъективные противоречия между средствами и целями, реальностью и возможностью, интересами и волей, действительностью и ее восприятием, объективными тенденциями и субъективными намерениями. Все эти усложняющие соображения из сталинистской теории права были намеренно устранимы.

Сталинистская теория права, как она представлена в советских университетских учебниках, даже не отмечает такую основную политическую и философскую проблему, которая должна анализироваться в любой серьезной философии государства и права, как отношение между общим и индивидуальным благом: до какой степени последнее может приноситься в жертву первому?

В начале своей деятельности Сталин написал полемическую работу об анархизме. Он утверждал в ней, что социализм заботится о массах, а не об индивидуумах. Это — не традиционно западный и даже не марксистский, а типически тоталитарный подход. Такая, предложенная еще молодым Сталиным, интерпретация социализма принесла свою изобильную жатву позднее.

Сталин, Вышинский и их последователи пренебрегли дилеммой, сформулированной еще Жан-Жаком Руссо в его "Обществен-

ном договоре”, противоречиями между индивидуальной волей и волей всех, между общественным и личным благом. Для сталинистов, в контексте социалистического государства, заботиться о подобных вещах значило уподобляться упадочным интеллигентам. Вместо анализа всего этого они доказывали, что между индивидуальными и общими интересами, между личными и общественными целями никакого различия нет. Кто не понимает их тождества, тот, как утверждали сталинисты, не понимает исторической необходимости, познание которой, согласно Гегелю и Марксу, и есть свобода.

Но так или иначе, “коммунистическое” понимание законности ничего не могло ответить даже на такие вопросы, как, допустим: существовала ли феодальная законность или фашистская законность? Некоторые советские теоретики отвечали, что фашистская законность не существовала, ибо, согласно советскому официальному определению, фашизм базируется на беззаконии и не уважает прав индивидуумов.

Но то же самое могло быть сказано и о советском праве, в соответствии с которым советские граждане могли быть арестованы, посажены в тюрьму и приговорены к смерти “тройкой”, состоявшей из трех высших чинов НКВД и выносившей приговор на основе докладов более низких чинов той же службы безопасности, и признаний, подписанных обвиняемыми. Приговоры “тройки” соответствовали террористическому советскому закону; но кто бы признал такой закон хотя бы легальным, не говоря уже о справедливости и человечности?

Другим важным изменением, которое внес Сталин в марксистскую теорию государства и права, была идея “отмирания”. Эта теория не принадлежит ни Марксу, ни Энгельсу; они оставили на этот счет только общие замечания. В брошюре Ленина “Государство и революция” и без того слишком общие предсказания об этом стали еще более неясными. Ленин нигде, вплоть до ноября 1917 года, не сказал, когда же, собственно, должен начаться процесс отмирания государства, непосредственно ли вслед за захватом власти или после определенного периода преобразования социалистического общества в коммунистическое? Должен ли этот процесс начаться при диктатуре пролетариата? И, если нет, как и когда диктатура пролетариата может закончиться?

Сразу вслед за Октябрьской революцией начался процесс разрастания правительственной машины. Никаких знаков отмирания не было и в помине; наоборот, множились сферы прямого государственного вмешательства; бюрократический аппарат непрерывно рос. Когда Сталин окончательно утвердился в положении вождя, на XVIII съезде партии он попытался оправдать это явление. Он доказывал, что советское государство должно непрерывно расширяться, пока, наконец, любая общественная деятельность не превратится в государственную деятельность. Соответственно, количество и масштаб правительственных предписаний должны также расти. Когда все будет в руках государства, — говорил Сталин, — не останется ничего правительственного, ибо все станет общественным; такова, по его мнению, “диалектика” социалистического государства. Сталинская теория социалистического государства и социалистического права была полным пересмотром идеи отмирания государства и права; она была всего лишь попыткой оправдания тоталитарного административного вмешательства во все аспекты общественной и индивидуальной жизнедеятельности.

После смерти Сталина наступила весьма ограниченная “оттепель”, за которой последовали новые “заморозки”. Те, кто предлагал хотя бы умеренную децентрализацию и демократизацию, снова были объявлены ревизионистами и правыми либералами, пытающимися предательски подорвать социалистическую систему.

Либерман, советский экономист, был одним из первых, кто предложил весьма умеренный план децентрализации хозяйства. Многие коммунистические бюрократы бросились его страстно осуждать. Но несколькими годами позднее все коммунистические страны вынуждены были обратиться к реформам, иногда идущим гораздо дальше предложений Либермана. Тогда выявилась существенная связь между экономической и политической децентрализацией, с одной стороны, и ролью права — с другой.

Достижения наполовину лицемерной демократизации оказались очень скромны. Демократия, в конечном счете, несовместима с централизованной бюрократической структурой и тотальной экономической централизацией. Возникли новые противоречия и трудности, которые создали почву для новых тенденций развития: регрессивных по отношению к полному сталинизму и

прогрессивных, направленных к более последовательной децентрализации, политической демократизации и твердости правовых норм. Восстания в Венгрии, Польше и Чехословакии доказали, что народы этих стран теряют терпение и становятся активны. В этой атмосфере начались попытки восстановить значение закона и суда, доведенных в сталинские времена до ничтожества. Были ликвидированы специальные суды полиции безопасности. Послышались голоса сторонников паритета защиты и публичности обвинения в уголовном процессе. Советским авторам было нелегко поддерживать даже эти элементарные требования, поскольку там все еще господствовала доктрина, согласно которой долг каждого — помогать государству при установлении "истины" и преследовании любого нарушителя закона. Каждый, кто отказывается сотрудничать с властями, считается плохим советским гражданином.

Объектом особенно резкой теоретической критики стал Андрей Вышинский. Его посмертно обвинили не только в нарушении советских законов, но и в таких "антисоветских" утверждениях, будто вина обвиняемого не нуждается в полном доказательстве, что и частичных доказательств вполне достаточно. На него возлагалась вина за теоретическое обоснование практики осуждения невинных людей во время чисток.

Во всех европейских странах, которые оказались под советским диктатом, юристы склонялись к более разумным и прогрессивным принципам, разными путями пытались восстановить западно-европейские демократические традиции.

В некоторых "народных демократиях", особенно в Польше, Чехословакии и Венгрии, демократически настроенные юристы поддерживали идею административных судов, которые были бы уполномочены оспаривать административные решения. Дискуссии на эту тему продолжались и, вопреки противодействию властей, кое-какие шаги в этом направлении все-таки были сделаны. В Польше, например, был создан специальный суд — Административный трибунал.

После 1953 года идея интенсификации классовой борьбы по мере строительства социализма была отвергнута как несоответствующая социалистической теории и гуманизму. Хрущев и другие советские лидеры признали в ней орудие, которое использовал Сталин и его палачи, чтобы арестовывать и истреблять полноценных граждан.

В Венгрии Янош Кадар первым открыто осудил другую сталинскую догму: "Кто не с нами, тот против нас". Кадар утверждал, что в социалистических странах эта максима должна быть перевернута: "Кто не против нас, тот с нами; кто не против социализма, тот наш друг". Эта концепция помогла правительству Кадара, после нескольких лет террора, превратить Венгрию в самый либеральный из коммунистических режимов Европы 70-х годов.

На деле теория интенсификации классовой борьбы была, скорее, исправлена, чем отброшена. Вслед за каждым существенным международным и внутривнутриполитическим провалом данного коммунистического режима, правящие коммунистические партии не удерживаются, чтобы не подчеркнуть, что на данной "конкретной стадии развития" усиливается классовое сопротивление буржуазии. С 1956 года, когда эта теория была официально отвергнута, не нашлось ни одного коммунистического лидера, который признал бы, что его страна вошла в период спокойствия и ослабления классовых противоречий. Наоборот, постоянно делались заявления, которые призывали усилить бдительность, и утверждали, что на "данной фазе развития" враги социализма усиливают классовую борьбу.

Такая политика особенно явно выступала на первый план во время чехословацкого кризиса 1968 года, после двух войн между Израилем и арабскими странами 1967 и 1973 годов, после волнений в Польше в 1956, 1970 и 1980 годах.

Остается все еще нетронутым, по крайней мере, один аспект теории интенсификации. Согласно официальной коммунистической теории, идеологическая классовая борьба должна усиливаться в период мирного сосуществования и детанта, ибо — утверждает официальная теория — империалисты все еще не отказались от своих надежд разрушить коммунизм, пытаются добиться этого путем "идеологической диверсии". Поэтому в любой из коммунистических стран время от времени обвиняют художников, ученых и писателей в "политической слепоте", в "некритическом подражании упадочным буржуазным извращениям", в "клевете" на условия жизни при коммунистических правительствах. По-новому истолкованный "социалистический реализм" снова и снова используется как дубинка против любых проявлений независимого художественного творчества. Такова идеоло-

гия, которая скрывается за безжалостными преследованиями еретиков и "космополитов" в нарушение не только принципов права и демократии, но и советских законов. Такова идеология и политика, которые определяют "правовые" формулировки насчет "контрреволюционной", "антисоциалистической" деятельности, — формулировки, настолько смутные и уклончивые, что дают основания обвинить кого угодно.

В этих новых обстоятельствах начало развиваться новое течение в юриспруденции коммунистических стран. Оно возникло как отклонение от официальных взглядов.

Вернее, здесь следует говорить о совокупности тенденций оппозиции, которые представляют собою разные, более или менее демократические и либеральные подходы к праву. Поэтому идеи отдельных групп заслуживают быть рассмотренными отдельно. Но есть, конечно, между ними и общие черты.

Либерально-коммунистический взгляд* на социалистическую законность подчеркивает невозможность существования права без наличия легальных процедур, призванных защитить индивидуума от административного произвола. Либералы считают, что соблюдение существующих законов не является еще достаточным доказательством законности определенных правительственных решений. Они приближаются к идее "законного закона", то есть закона, который защищает интересы, права и свободы индивидуума, — в противоположность законам, которые становятся мнимо легальными лишь потому, что их вводили соответственно установленным правилам.

Эта новая, вернее сказать, обновленная концепция права служит идеологическим и политическим обоснованием независимости юридической системы, которая обладала бы полномочиями отвергать решения административных властей, когда дело касается защиты прав индивидуальных граждан. Возражения на

* Когда я употребляю термин "либеральный коммунизм", я подразумеваю взгляды польских и венгерских либералов, начиная с 1955-1957 годов, а также чехов, начиная с "пражской весны". Я включаю в эту группу, — правда, лишь с известными оговорками, — также и советских "еретиков". Существует несомненная философская связь между советским "подпольем" и польскими или чешскими "либералами", многие из которых арестованы или высланы.

эти требования, выдвигаемые нео-сталинистами, попросту сводятся к старой претензии, будто социалистическое государство не может причинить гражданам ничего дурного. Отсюда делается вывод, будто в защите от действий государства никакой потребности просто нет.

Либералы доказывают, что "Всеобщая декларация прав человека", соответствующие международные конвенции и Хельсинкская декларация должны получить в социалистических странах полную силу, что внутренние законы этих стран должны быть приведены в соответствие с требованиями нового международного права. Они настаивают на том, что обязанность соблюдать принципы "Декларации прав человека" не является нарушением государственного суверенитета. С этой точки зрения, следовательно, должны быть пересмотрены концепции суверенитета и свободы государств.

Либералы критикуют упрощенческую официальную концепцию, согласно которой закон должен истолковываться соответственно "руководящей линии партии". Они склонны сравнивать этот принцип с хорошо известной идеей нацизма, что закон следует толковать в согласии с "волей фюрера".

Польские либералы подвергли критике новую польскую конституцию, — особенно две ее статьи, принятые 16 февраля 1976 года. Статья 3-я утверждает, что Польская объединенная рабочая партия является "ведущей политической силой" нации. Согласно статье 6-й, дружба с Советским Союзом является основой польской политики. Профессор Лешек Колаковский совершенно прав в оценке этих двух статей: они представляют собой псевдо-легализацию двойного нарушения суверенитета польского народа:

— относительно партийного аппарата, который не был избран и не контролируется обществом;

— относительно Советского Союза, единство с которым предписывается сохранять независимо от непредсказуемых и неконтролируемых перемен, которые могут произойти в международном положении данной страны.

"Деспотизм и отрицание народного суверенитета не могут быть легальны; законы, которые их оправдывают, недействительны и никто не обязан их уважать... Сопротив-

ление псевдо-закону есть защита закона в подлинном смысле".*

Следует помнить, что многие из "либеральных" и "подпольных" критиков хотят улучшить социалистическую систему, но не разрушать ее; они вовсе не стремятся заместить ее западной социально-экономической системой, которая основана на частной собственности и свободной конкуренции. Теория Колаковского — отнюдь не капиталистическая и не антисоциалистическая, если она даже и оправдывает сопротивление деспотизму коммунистической бюрократии в целях защиты "истинного социализма" с "человеческим лицом".

Легко здесь заметить сходство между этими новыми идеями и теориями с идеями и теориями естественного права XVII и XVIII веков, которые легализовали право народа сопротивляться деспотизму.

Тут я хотел бы отметить обстоятельство, которое, насколько мне известно, никогда не анализировалось в западной юридической литературе. Я имею в виду особый вклад польской юриспруденции в современную юридическую мысль. Я назвал бы это явление возрождением юридического позитивизма в социалистической Польше. Самые крупные представители этого направления: профессор Казимир Опалек, Иржи Вроблевский, Станислав Эрлих, Сильвестер Завадский, Александр Бурда, Адам Лопатка, Гржегор Сейдлер, Иржи Йодловский и, особенно, выдающийся, хотя и противоречивый исследователь Стефан Розмарин.

Что объединяет сочинения всех этих ученых, несмотря на существующие между ними различия? — Все они считают, что существующие законы должны истолковываться и применяться. Все они доказывают, что граждане социалистических стран обладают — как их называют юристы — "субъективными правами", которые не должны зависеть от капризов и произвола политических решений, которые обычно принимаются в Польше путем закулисных махинаций, через "частные каналы" (допустим, путем "совещания" по телефону).

Все эти авторы согласны в том, что провозглашенные конституцией права имеют силу закона. Толкования или применения предписаний закона на различных уровнях не должны осуществ-

ляться в нарушение субъективных прав, подтвержденных законом более высокого уровня.

Профессор Иржи Вроблевский написал две выдающиеся монографии по теории толкования закона. Применяя чрезвычайно сложную терминологию, он пытался приложить традиционные юридические идеи, касающиеся толкования закона, к условиям, которые господствуют в Восточной Европе.

Профессора Эрлих и Завадский с большим искусством защищали идею судебного надзора за действиями правительственной бюрократической машины, которая неспособна отразить или защитить права отдельных индивидуумов.

Несмотря на существенные разногласия между ними, и профессор Бурда, и профессор Розмарин стремились обеспечить особое место для Конституции в системе законов с целью защиты демократических ценностей. Бурда в этом отношении пошел дальше, а его критика сталинистского прошлого была прямой и резкой. Это обошлось ему достаточно дорого: он был смещен с поста Генерального прокурора.

Теория субъективных прав и законности, как она развита Опалек, также представляет собою приложение лучших европейских традиций к современным польским условиям.

Польские юристы и профессора права — одни из самых образованных и свободомыслящих в коммунистическом блоке. Их положение в новой ситуации вполне сравнимо с юридическими позитивистами XIX века. Они заложили фундамент новой позитивной и реалистической юриспруденции, приспособленной к нуждам свободы и личной безопасности при существующем в Польше социальном и экономическом порядке.

По сей день социалистическая юриспруденция была своего рода слугой непросвещенного государства. Польский нео-позитивизм может способствовать превращению нео-сталинистского деспотизма в абсолютизм, который был бы хотя бы просвещенным. Это было бы гигантским скачком вперед. Без новой концепции права даже движение в сторону более просвещенной фазы абсолютизма едва ли мыслимо.

Абсолютизм хоть с каким-то правовым порядком и гарантиями, пусть и ограниченными по масштабам, более человечен, чем без всяких гарантий. Еще Платон писал в "Законах", что ограниченный абсолютизм — уже не абсолютизм.

* Лешек Колаковский, Выступление на конгрессе польских студентов в Великобритании, Annex, N 11, 1976, стр. 11.

2. Основы польского юридического нео-позитивизма

В силу ряда исторических обстоятельств, именно в Польше развилось особое направление, которое может быть названо социалистическим юридическим позитивизмом. Это направление начало развиваться в Польше почти сразу после захвата власти коммунистами в 1945-1946 годах. Было много социальных, исторических и традиционных предпосылок для этого, но, с точки зрения права, особенно важны следующие:

— новый коммунистический режим претендовал быть единственно истинным наследником демократической Мартовской Конституции 1921 года. Эта конституция была аннулирована в 1935 году довоенным польским режимом такими методами, которые даже многие некоммунистические и несоциалистические государственные деятели и юристы считали противозаконными и антиконституционными;

— новый коммунистический режим объявил, что довоенная система права остается в силе, что должны утратить силу только те законы, которые будут формально и легально отменены или приостановлены;

— новый коммунистический режим сохранил важные элементы довоенного административного и юридического аппарата и начал пользоваться услугами юристов, которые получили образование до 1939 года; профессора права, которые пережили нацистскую оккупацию, возвратились на свои кафедры, чтобы воспитывать новое поколение польских юристов в духе римского искусства юриспруденции.

Период сталинизации начался в Польше сравнительно поздно (в 1949 году), а "оттепель" (после смерти Сталина в марте 1953 года) немедленно стала более глубокой и пошла дальше, чем в других "народных демократиях". Самые важные требования антисталинского движения после 1953 года касались права и строгого соблюдения статей Конституции, которые гарантиро-

вали неприкосновенность демократических свобод и гражданских прав. Ассоциация польских юристов начала издавать журнал "Закон и жизнь", который в 1956-1957 годах стал второй по значению, после журнала "По-просту", трибуной защиты "либерализации, национальной независимости, законности", — иначе говоря, всех тех идеалов, которые впоследствии связывались с представлением о "коммунизме с человеческим лицом".

Те годы были уникальны для послевоенного развития Польши. Разобщенные междоусобицей лидеры оказались неспособны блокировать события; они вынуждены были представляться более демократичными и либеральными. Польша стала ареной сравнительно свободной и открытой дискуссии по политическим и юридическим вопросам, которые сводились к одной проблеме: по чьей вине, как и почему демократия, соблюдение законности и защита прав индивидуумов "терпят поражение" при социалистических правительствах и конституциях? Кто ответственен за совершенные преступления? — Разложившиеся личности? Некомпетентные руководители? Плохие законы? Скверно задуманные и организованные институты?

Образованные и критически настроенные поляки, — даже те, кто сохранял идеологическую и организационную связь с партией, — были не готовы принять примитивные советские официальные объяснения, согласно которым причиной нарушения законности, преступлений и геноцида были скверные характеры Сталина — Берия и "культ личности". В польских университетах подобные объяснения считали либо устарелым платонизмом, либо коммунистической версией субъективного идеализма, смешанного с недиалектическим материализмом и "экономизмом". Эти критические взгляды разными путями проникли в печать.

Итоги этой общенациональной дискуссии о "сущности" и "формах" социалистического права были сведены в логически стройную теорию в книге Казимира Опалека и Витольда Закревского "Проблемы социалистической законности". Оба они были профессорами права Ягеллонского университета в Кракове.

Опалек и Закревский начинают свой критический анализ с традиционного советского определения социалистической законности, которое было импортировано также и в Польшу. Прин-

ципы, положенные в основу этого определения, были заложены как уже было сказано, Андреем Вышинским, а затем официально усвоены всеми коммунистическими юристами. В учебнике "Государство и право", который был издан в 1955 году, дана такая версия этого определения:

"Социалистическая законность есть один из основных методов осуществления диктатуры пролетариата, который заключается в безоговорочном и точном соблюдении органами правительства, общественными организациями государственными служащими и отдельными гражданами юридических норм, как они выражены законом и другими актами социалистического государства с целью обеспечения подлинной безопасности социалистического государства, прав и свобод граждан".

Согласно Опалеку и Закревскому, это многословное, высокопарное и неточное определение смешивает теорию с практикой, похоже, скорее, на лозунг и рассчитано на умственную лень. Они говорили, что одним из симптомов специфического платонизма и идеализма периода "культы личности" была вера, будто правильное определение закона и юридической нормы само по себе решает проблему. Но определение "социалистической законности", пусть и наилучшее, — не колдовское заклинание, которое само по себе могло бы побудить правительства и людей проводить ее в жизнь.

Проблема соблюдения законности, — писали они, — не ограничивается рамками юриспруденции. Она имеет на практике также и моральные, и политические аспекты. Однако, в социалистических странах никто не знает достаточно твердо, как на практике осуществляется социалистическая законность, поскольку там не проводятся социологические исследования. Эмпирическое изучение подменяется проповедью и пропагандой.

Без социологического анализа сделать закон действительно действенным невозможно. Только такой анализ обеспечивает точное знание о типологии нарушений закона, на основе которого можно делать общие выводы, адресуя их политическим деятелям и законодателям, воздействуя, таким образом, на правительство. При отсутствии такой информации органы, на которые

возложено проведение законов в жизнь, действуют как бы в полном мраке.

Опалек и Закревский отвергли примитивное сталинистское утверждение, будто законопорядок в социалистических странах сам по себе автоматически воплощает политическую и моральную справедливость. Невозможно принять нравственную, без всяких оговорок, тотальность любой системы норм, вводимой каким-либо правительством, даже если мы готовы одобрять это правительство, его конституцию, его политику, его социальные и юридические постулаты. Таким образом, один из важнейших тезисов Опалека и Закревского сводился к тому, что формальное соблюдение норм закона всегда остается лишь относительным.

"Борьба за осуществление законности" повсюду, включая и социалистические страны, может и должна рассматриваться отдельно от этических ценностей, от наших представлений о добре и справедливости.

Простое существование правовых норм, — доказывали Опалек и Закревский, — связано с юридическим формализмом, а потому неизбежны существенные различия между правовыми и моральными нормами. Юридический формализм должен, таким образом, представлять общественную ценность сам по себе. Но эта ценность лишь относительна. Ценность юридического формализма возрастает, когда правовые нормы связаны с демократией, — пусть и не совершенной. И, наоборот, его ценность уменьшается, когда правовые нормы вводятся во имя интересов деспотизма, самовластия и фашизма.

Множество предварительных условий для правильного истолкования и применения закона необходимо, чтобы наличествовали многие предварительные условия. Знания "четырёх законов диалектики" и "идеологическая выдержанность" тут явно недостаточны. Необходима разработанная система подлинно научной законодательной методологии.

Может случиться так, что даже и социалистический законодатель нарушит принципы закона, если он вводит законодательные установления, противоречащие статье 8, часть 1 Польской конституции:

"Законы Польской народной республики выражают интересы и волю трудящихся".

Авторы доказывали, что сколь угодно строгое соблюдение ошибочных, вредных и несправедливых "незаконных законов" введенных социалистическими законодателями, само по себе нелегально. Было нарушением законности, когда польский верховный Суд издавал директивы, которые, вместо того, чтобы прояснять предписания закона, изменяли их; слово "истолкование" оказывалось лишь предлогом, чтобы обманным путем изменить закон, что равносильно государственной измене.

Идея, будто государство способно само себя ограничивать, подобна идее "квадратуры круга". Необходимо поэтому создать специальные институты и органы, которые могли бы эффективно противодействовать любым нормам, решениям и действиям государства, которые нарушают закон и, прежде всего, права граждан. Нормы, вводимые социалистическим законодателем, должны предотвращать возможности произвольных акций со стороны администрации, регламентировать субъективный авторитет любого органа или его представителей.

С другой стороны, законодатель должен воздерживаться от принятия излишнего количества детальных инструкций, поскольку они убивают инициативу.

Сейм, как утверждали авторы, тоже может нести свою долю вины за правонарушения, когда он не проводит законы, необходимые для того, чтобы установления Конституции проводились в жизнь. Убедительным тому примером может быть отсутствие закона, который позволял бы гражданам пользоваться их правом отзываться членов парламента и территориальных советов, которое было предусмотрено статьями 2-й и 86-й Конституции.

Опалек и Закревский представляли "идеальное социалистическое государство" как антитезис советскому государству. Они показали, что в СССР чрезвычайное положение превратилось в перманентное. И чтобы придать вес этому своему положению, они цитировали намеренно забытую мысль Ленина:

"При чрезвычайных законах может править любой дурак".

3. Стефан Розмарин — классик коммунистического нео-позитивизма

Опалек и Закревский написали юридическую книгу, но наполнили ее политическим морализированием. Они торопились. Их цель была как можно быстрее (их книга была закончена уже в 1957 году) дать научную и юридическую сводку положений, выработанных в дискуссиях польской "оттепели", в период либерализации, иллюзорной победы в октябре 1956 года и после-октябрьской "бури и натиска". Они еще не умели изложить свои идеи с логической строгостью, которая столь отличает классиков юридической мысли.

Автором, который преодолел все эти недостатки и непоследовательности короткой эры либерального романтизма, был Стефан Розмарин. Две его монографии отразили уникальный момент в истории юридической теории и конституционного права. В 50-е и 60-е годы Розмарин был, вероятно, самым читаемым автором юридической, философской и политической литературы и на Западе и на Востоке. Почти четверть столетия, до его трагической гибели около 1969 года, он совмещал функции главы юридического отдела при канцелярии премьер-министра с обязанностями профессора конституционного права; в то же время он был плодовитым автором, рецензентом книг, добросовестным издателем, частым гостем-лектором в социалистических и западных странах, активным участником бесчисленных международных конференций. Он руководил многими докторскими диссертациями и был мастером политического компромисса, хотя ни разу не предал ни одного друга.

В обеих монографиях он предстает как последовательный марксист и сторонник советской юридической школы. И все же он умел, пользуясь "чисто" юридическими терминами, сохранить основные концепции и традиции западного конституционализма. В его сочинениях юридический позитивизм еще раз осуждался как "буржуазная идеология", но фактически главные достижения юридического позитивизма под видом "социалистического конституционализма и законности" были Розмарином не только усвоены, но и развиты. Так Томас Гоббс цитировал Святое Писание в доказательство того, что светский властитель должен быть высшим, абсолютным и независимым от церкви.

Отдавая цезарево цезарю и признавая божественные права партии, Стефан Розмарин юридически доказал, что, согласно Конституции Польской Народной Республики, власть закона выше партии и правительства. Если теология могла быть использована, чтобы успешно защищать философский материализм, то можно сказать, что Стефан Розмарин стал Роджером Бэконом социалистической юриспруденции. Он, в сущности, доказывал, что последовательный юридический позитивизм и есть подлинно марксистская теория права. Бентам, — этот, по словам Маркса, "гений буржуазной посредственности", — был скрыт Розмарином под пролетарской блузой и представлен трубадуром социалистической законности в эпоху диктатуры пролетариата.

Стефан Розмарин начинает свою монографию "Конституция как основной закон Польской Народной Республики" с объяснения, что такое "основной закон". Он подчеркивает, во-первых, что само это название единственно и исключительно, ибо ни один другой закон не может считаться основным; во-вторых, Конституция вводится иначе, чем все другие законы; в-третьих, она обладает специфической юридической силой, высшей по отношению ко всем другим законам; в-четвертых, она отличается особым масштабом, регулируя все фундаментальные экономические, политические и социальные установления данной страны.

Первая часть Конституции, которая не разделяется на статьи или параграфы и обычно называется "введением" или "преамбулой", делает совершенно ясным, что Конституция обязательна для всех, включая и парламент (сейм). Специальные методы, путем которых вводится конституция, согласно Розмарину, подразумевают, что ни один другой закон не может и не должен ей противоречить. Особым положением, принадлежащим Конституции в юридической структуре, Розмарин определяет задачу законодателя. Он обязан издавать законы, необходимые для обеспечения эффективности Конституции, для превращения конституционного "закона на бумаге" в "закон жизни".

С практически политической точки зрения, теория Розмарина означала, что никому не дано право истолковывать Конституцию с какими-либо специальными целями. В этом смысле Конституция должна оставаться ясной сама по себе. Так, следуя строгой логике юридического доказательства, отвергалась особая привилегия партии, сейма и правительства в области истол-

кования конституционных установлений. В коммунистическом государстве умолчание бывает не менее красноречиво, чем вслух провозглашенные принципы: Розмарин ни словом не обмолвился о какой-либо роли партии в истолковании и применении закона.

Особенно красноречива была критика Розмарином известного советского юриста Д. Керимова, который писал, что в Советском Союзе допускается существование также и "полуконституционных законов", — например, об организации суда или о гражданстве. Само выражение "полуконституционный" антиконституционно, а потому должно быть отвергнуто.

Розмарин доказывал, что Конституция в целом имеет нормативный характер и что каждый из конституционных принципов есть правило, с которым должен согласовываться любой закон. Тем самым он преодолевал ту путаницу, которую внес Сталин своей речью в Конституцию СССР, говоря о ней как об "отражении" и "реестре" достижений существующей социальной, экономической и политической системы. Розмарин не отрицал политический характер социалистической конституции, но он пытался по-новому истолковать официальный советский взгляд на конституцию как на "политическую программу" или "политическую декларацию". Даже если конституция и есть программа, то *suí generis*, — в форме юридических норм, которые должны и применяться юридически. Розмарин последовательно придерживался своей позитивистской и нормативистской концепции, стремясь раз и навсегда закрыть дорогу для политических "разъяснений" Конституции профессиональными политиками, которые могут меняться в зависимости от конъюнктуры.

Розмарин как бы утверждал, что коль скоро политики обнародовали Конституцию, они отрекаются от части своих прерогатив в пользу юристов. Чтобы не оставалось никаких криво толков, он подчеркивал, что даже Государственный совет, который уполномочен статьей 25-й Конституции давать ограничительные истолкования законов, не имеет права таким же образом истолковывать саму Конституцию, ибо эта прерогатива принадлежит только Сейму как конституционному законодателю. Не следует забывать, что членами Государственного совета являются лидеры Политбюро; председатель Совета — обычно либо первый секретарь, либо влиятельный представитель внут-

ренного руководства. Только с учетом всего этого можно оценить идеологическое и политическое значение "объективных", сухо юридических рассуждений и выводов Розмарина.

Однако, Розмарин, конечно, понимал, что для проведения в жизнь и подкрепления конституционных норм, кто-то должен их интерпретировать. — Кто же? — Любой орган правительства, в рамках собственных функций и предоставленной ему самой Конституцией авторитета: Сейм, Государственный совет, Высшая палата контроля, Совет министров, суды, прокуроры, народные советы и т.д. Они интерпретируют Конституцию для практических целей, так что их интерпретации направляются к ее осуществлению, но не уменьшению или нарушению.

Понимание Конституции всеми этими органами, — подчеркивает Розмарин, — не должно восприниматься как единственно верное, ибо такое допущение исключало бы любую критику существующей практики. Ни одна интерпретация Конституции не имеет той же юридической силы, как она сама. Противоположная точка зрения вела бы к абсурду.

Таким образом, политическая и юридическая философия Розмарина ясна: если каждый правительственный орган может и должен интерпретировать Конституцию, если, согласно самой же Конституции, эти интерпретации нельзя считать непогрешимыми, если различные органы власти могут интерпретировать Конституцию по-своему и, таким образом, допустимо множество интерпретаций, если, наконец, ни одна из них не наделяется преимущественной юридической силой, — это означает, что Конституция в истолковании Розмарина легализует плюралистическую юридическую практику, если не плюралистическое общество. Розмарин, конечно, не стал бы пользоваться этими терминами. Он бы их первый отверг. Но фактически он доказал, что сама Конституция покоится на принципе "ста школ и ста цветов". Так в искусных руках старого "буржуазного" специалиста, который много лет был нетитулованным командиром польского "юридического фронта", Конституция "диктатуры пролетариата" была представлена как законодательная основа плюралистического общества. И было чрезвычайно затруднительно для партии и правительства обвинить Розмарина в ереси; он открыл эти принципы в документе, официально признанном священным, в Конституции Польской Народной Республики.

Все эти рассуждения относительно природы социалистической законности и Конституции особенно важны, когда мы подходим к проблеме конституционных прав и свобод.

Розмарин переходит, далее, и к проблеме, которая привлекла внимание Запада еще столетие назад и становится все более важной в юридической литературе социалистических стран. Это — проблема "позитивизации" общих конституционных норм. Нуждаются ли общие, абстрактные конституционные нормы, провозглашенные права и свободы граждан, в какой-либо дальнейшей "позитивизации" или "конкретизации", или они достаточно позитивны *per se*, так что их следует лишь "применять", соблюдать и поддерживать?

Согласно Розмарину, все положения Конституции обязательны и не должны нарушаться, даже если не существует законов, которые предусматривали бы подкрепление их определенными мерами. "Общие места" или возможные "лазейки" в законодательной системе не могут служить предлогом для подрыва или игнорирования какого бы то ни было из конституционных положений. В любом случае, частные или, вернее, менее общие законы, предназначенные поддерживать или "осуществлять" Конституцию, даже если они требуются самой Конституцией, не сокращают прав и свобод граждан, ибо конституционные нормы содержат свою юридическую силу в самих себе. Права и свободы должны уважаться всеми административными органами, прокурорами и судами, ибо Конституция есть "естественная", "автономная" сила *per se*, действие которой обязательно без каких-либо дальнейших "разработок" или "конкретизаций" в законодательстве.

Специальный закон, — доказывал Розмарин, — требуется, когда вводятся исключения, но не правила.

Сталинистский призрак исчезал, как при заклинании, в котлом самого дьявола по имени не называют. Непоколебимая, казалось бы, официальная догма, согласно которой в коммунистических странах противоречие между Конституцией и частными проявлениями народной воли, направляемой партией и выражаемой законами, немислимо, оказалась решительно отвергнутой путем простого истолкования правовой природы Конституции, как таковой.

Независимые суды, которым Розмарин отводил особую роль, имеют конституционное право и обязанность защищать Конституцию и гражданские права против любых нелегальных вмешательств любого законодательного или административного органа. Эти конституционные требования оказались извлечены из Конституции страны, которая официально отвергает разделение властей, административные суды и юридический надзор за соблюдением законов! Благодаря Розмарину, юридический позитивизм, в обход официальной идеологии и политической догмы, оказался выше, как сказал некогда Пушкин, "Александрийского столпа".

* * *

Понятие закона как необходимого орудия трансформации современных обществ в той или иной степени применимо к тем переменам, которые были начаты в странах советского блока после смерти Сталина и XX съезда КПСС. Смысл этих перемен может быть в первом приближении определен как попытка модернизации политической структуры обществ, которые долгие годы находились под властью особого рода абсолютизма — а именно, сталинизма.

В этот процесс "оттепели" или "возрождения" внесли свой вклад также и юристы. Коммунистические политические лидеры привыкли критиковать представителей юридической науки за их "отсталость" и неспособность идти в ногу с социалистическим развитием. Это стало почти ритуалом. Однако, анализ сочинений ученых-юристов не подтверждает этих голословных утверждений. Юридические идеи, которые были разработаны в странах советского блока, оказались гораздо более прогрессивны и демократичны, чем политическая реальность этих стран. В этих идеях нашли выражение различные аспекты демократии, защиты свободы и законности. В одних коммунистических странах этот прогресс продвинулся дальше, чем в других. И достижения польской юриспруденции все еще остаются уникальными по оригинальности ее постулатов. Не будет преувеличением сказать, что поляки определили направление для дальнейшего теоретического развития; они оказали сильнейшее влияние на своих коллег в коммунистическом мире.

Профессор Адам Лопатка, выступая на Международном конгрессе по философии права в Базеле в 1979 году, попытался классифицировать так называемые "фундаментальные принципы социалистического права". Он перечислил их в таком порядке: принцип власти народа, демократия, гуманизм, справедливость, равенство в правах, господство закона, взаимозависимость прав и обязанностей, сочетание убеждения с принуждением, и, наконец, принцип интернационализма. Адам Лопатка оказался единственным среди представителей коммунистического блока на конгрессе, который сказал: принцип гуманизма "признает личность человека и его самого высшей ценностью".

Он добавил:

"Закон все больше и больше создает условия для самореализации индивидуального человека. Перечень личностных благ, особенно тех из них, которые связаны с интимными сторонами человеческой жизни и подлежат охране законом, непрерывно расширяется; за этим следует защита прав трудящегося и прежде всего тех из них, которые диктуются уважением к его достоинству; расширяется сфера личной и общественной свободы граждан; человеческая личность получает защиту против любых вмешательств, оправдываемых развитием науки, технологии и т.д."

В какой мере эти слова соответствуют реальности или остаются всего лишь добрыми пожеланиями, выходит за пределы нашего теперешнего анализа. Ясно лишь одно: прогрессивные мыслители-юристы, изображая временами мифы как реальность, верят при этом, что такими методами можно изгнать злых духов, принудив их передать власть справедливости и мудрости. Разумеется, это мифы, но

"...подобно всем мифам, они могут оказать воздействие на будущее политическое развитие".

(Джон Хазард)

Представление мифа или желаемого как реальности является тем не менее весьма специфической формой критики существующей социальной и политической реальности. Поэтому уместно

задать вопрос: находятся ли эти юристы в оппозиции к своим правительствам и к своим Политбюро? — Ни в коей мере. Просто они наделены лучшим и более глубоким пониманием интересов, нужд и воли своих сограждан, чем профессиональные бюрократы и аппаратчики. Они больше карьеристов понимают ценность законности или, допустим, презумпции невиновности. Они знают, что "власть революционного сознания" влечет за собой хаос и террор. Они искренне хотят развивать новое общество в соответствии с самыми разумными и гуманными образцами. Об этом новом племени коммунистических ученых, юристов и профессоров права можно сказать словами Джона Хазарда:

"В противоположность правящим политикам, они выступают как люди закона. В каком-то смысле они не находятся в оппозиции, ибо многие из них, хотя и не все, являются членами коммунистической партии, и в качестве таковых стремятся к тем же целям, что и политики. Но в то же время, в каком-то ином смысле, они — оппозиционеры. Они продвигаются повсюду, где представляется тому малейшая возможность, вперед, к ограничению произвола власти. Они ищут того, что часто называют 'законностью'. При каждой возможности они повторяют, что их цель — 'революционная' или 'социалистическая' законность. Они хотят этим подчеркнуть свое стремление работать над осуществлением экономической и социальной структуры, которая будет существенно отличаться не только от того, что было в царском прошлом, но и от того, что существует ныне в западной Европе или в Америке".

У теоретиков права могут быть разные идеи и намерения. Но при диктатуре догматизма их действия всегда чреваты опасностью. Нет страховки для тех, кто решился балансировать на канате. Сломленные карьеры и жизни — это та нормальная цена, которую человечество уплачивает прогрессу.

Перевод: Б. Шрагин

Карел Каплан

СТАЛИН, ОБРАЗОВАНИЕ СЭВ'а И ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Совет Экономической Взаимопомощи был создан в момент, когда Советский Союз приступил к разработке новой концепции своей европейской политики. С самого начала перед СЭВом стояли две основные задачи: создание руководимого из одного центра советского блока и сведение на нет влияния Соединенных Штатов на Европу. Важнейшими политическими инструментами в процессе формирования советского блока были Информбюро и система союзных договоров между странами советской сферы влияния; в экономической области подобную роль играл СЭВ.

Предложения о создании международной организации, которая занималась бы координацией экономического сотрудничества, были представлены в Москве уже в сентябре 1947 года, когда Р. Сланский передал их Маленкову. Весной 1948 г. чехословацкие экономисты предложили правительству Чехословакии заявить на июньском заседании Информбюро о необходимости

"...созыва конференции специалистов в области народного хозяйства, которые представляли бы объединенные в Информбюро компартии, точнее, — государства с плановым хозяйством".¹

Предполагалось, что на этой конференции будут рассмотрены вопросы экономического сотрудничества и частичной координации планов. В предложении чехословацких экономистов говорилось:

"Необходимость тесного и планового сотрудничества не вызывает сомнений, несмотря на то, что наличие само-